

атов с Православною Церковью в 1794–1796 гг. / С. Рункевич. – С.-Петербург : Типография А. Катанского и К°, 1893. – 572 с.

36. Стрельбицкий, И., священник. Униатские церковные Соборы с конца XVI века до воссоединения униатов / священник И. Стрельбицкий. – Одесса : Типо-хромолитография Е.И. Фесенко, 1891. – С. 164 с.

37. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 / Е.Н. Филатова. – Минск : Бел. наука, 2006. – 192 с.

38. Филевич, И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке / И.П. Филевич. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1891. – 31 с.

39. Фотинский, О. Иоанн Красовский, униатский архиепископ Полоцкий и Луцкий / О. Фотинский // Литовские Епархиальные Ведомости. – 1894. – № 15. – С. 128–131.

40. Charkiewich, Jaroslaw. Powrót unitów diecezji litewskiej i białoruskiej do prawosławia na soborze połockim 1839 roku / Jaroslaw Charkiewich // Rocznik Teologiczny, T. 55. – 2013. – № 1–2. – S. 119–137.

41. Radwan, M. Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ИОСИФА (СЕМАШКО):
ДОКУМЕНТЫ, МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА**

*Е. Н. Филатова
(Минск, Беларусь)*

Ни одна из работ, посвященная истории конфессий западных губерний Российской империи, периода 30 – 60 гг. XIX в., не оставляет

без внимания такую личность как Литовский православный митрополит Иосиф Семашко. Несомненно, это был неординарный человек, вызывавший интерес не только у современников, но и у последующих поколений. Исследователи привлекли широкий круг различных источников: большое количество архивных документов, воспоминаний, переписки, дневников, рецензий, некрологи, которые были опубликованы не только в книгах, но и в периодической печати, как на территории белорусско-литовских губерний, так и в Москве, Петербурге. В них можно выделить несколько направлений: 1. политический аспект; 2. духовная деятельность; 3. личность и жизненный путь митрополита, его отношения с родными, друзьями и знакомыми.

Политический аспект связан со значительным событием XIX в., которое имело не только конфессиональное, но и политическое значение – присоединение (ликвидация или воссоединение) униатов к православию в 1839 г. В 1836 г. был создан Секретный комитет для рассмотрения мер по униатским делам. Министр внутренних дел Д. Блудов в своем докладе на заседании комитета, обосновывая идею ликвидации унии, высказался, что необходимо «преобразовать их из полу-поляков – римских католиков, в верных сынов нашей церкви и России и тем самым поставить сильный оплот враждебным покушениям злоумышленников, может быть ещё мечтающих о разделении» [19, л. 8 оборот - 9]. Документы по этому аспекту в нескольких фондах в Российском государственном историческом архиве С.-Петербурга: фонд 823 канцелярия митрополитов греко-униатских церквей, ф. 796 канцелярия Св. Синода, ф. 797 канцелярия обер-прокурора Св. Синода, ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД; Государственном историческом архиве Литвы: ф. 634 Литовская греко-униатская духовная кансистерия, ф. 605 – Литовская (Виленская) духовная консистория; отделе рукописей библиотеки АН Литвы – ф.41 – Литовская православная консистория; в Национальном историческом архиве Беларуси:

ф.1297 – канцелярия Витебского, Смоленского и Могилёвского генерал-губернатора. Дела, которые находятся в этих фондах касаются политики правительства и поддержки этой политики отдельными представителями высшего униатского духовенства.

Важным шагом в политике правительства Российской империи было решение провести секуляризацию церковных земель всех христианских конфессий в 1841 – 1843 гг., что было непростым делом для новообразованных православных епархий на территории белорусско-литовских и украинских землях и их руководителей. 2 марта 1839 г. секретным циркуляром было предписано всем начальникам губерний «возвращенных от Польши» собрать секретно и без малейшей огласки представить подробные сведения обо всех имениях через благонадежных чиновников. Эти сведения собирались до февраля 1840 г. Однако, по мнению генерал-губернаторов, они не могли быть достаточно точными, так как их собирали в таких секретных условиях. 2 марта 1840 г. был учрежден особый комитет, в составе министра внутренних дел, министра государственных имуществ и обер-прокурора Св. Синода. Комитету предписывалось представить своё мнение по вопросу о секуляризации церковных земель к 1 мая, при оговорке, что у духовенства не отнимают состояние, а только отстраняют от управления им.

Правительственный акт был издан 25 декабря 1841 г. Согласно ему все недвижимые имения иноверного духовенства западных губерний передавались в ведение и управление Министерства государственных имуществ, за исключением имений, состоящих во владении приходского белого духовенства, не принадлежавшего к высшей иерархии и монашеству. Этот указ сопровождался инструкцией, в которой точно определялось, какое имение и когда должно было перейти в ведение казны. Одновременно были установлены и утверждены штаты на содержание духовенства [20, л. 1об – 2, 3].

Это решение правительства, в первую очередь, ослабляло мате-

риальное положение католической церкви. Хотя, в данном случае, следует выделить некоторые аспекты: 1) процесс передачи имений в казну затянулся практически до конца 50-х г.; 2) так как владения были значительными, то католическое духовенство, их приходы и монастыри получили более высокое содержание, нежели православное и протестантское духовенство; 3) так как местные чиновники, в основном, были католиками, то католическая церковь, быстрее, чем православная, получала положенные ей наделы земли, и в ряде случаев в тех же имениях; 4) католическому ксендзу, не обремененному семьей, было легче прожить на жалованье, чем православному.

Духовная деятельность митрополита Иосифа Семашко нашла отражение в: РГИА в С-Петербурге: ф. 796 канцелярия Святейшего Правительствующего Синода, ф. 797 канцелярия обер-прокурора Св. Синода, ф. 821 – департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД, Государственном историческом архиве Литвы: ф. 634 Литовская греко-униатская духовная кансистерия, ф. 605 – Литовская (Виленская) духовная консистория; отдел рукописей Библиотеки АН Литвы ф.41 – Литовская православная консистория; НИАБ: ф. 3245 – Белорусская униатская консистория, ф. 3367 – Полоцкая униатская консистория, Национальном историческом архиве в Гродно: ф. 1 – канцелярия Гродненского гражданского губернатора.

В ряде дел встречаются резолюции митрополита Иосифа на письмах к нему. Их можно разделить, в свою очередь, по направлениям: а) обращения духовенства с различными жалобами. В том числе о сохранении одежды униатского духовенства, о бритье бороды, об использовании польского языка и т. д.; б) о высылке, как бывшего базилианского монашества, так и униатского духовенства в монастыри в центральной России; в) разделе бывших униатских прихожан между православной и католической церквями; в) о передаче населенных имений православных церквей и монастырей в ве-

дение Министерства государственных имуществ и введение штатов для духовенства в 40-50-е гг. XIX в.; об отношении к католикам и старообрядцам и др.

После присоединения униатов в 1839 г. древнеправославное и воссоединенное духовенство находилось, по образному выражению церковного историка Г. Шавельского, «в положении старых врагов, которых только что заставили примириться без сильного желания и с их стороны» [24, с. 361]. Такую ситуацию осложняло и католическое дворянство, которое пыталось столкнуть эти две пока еще плохо соединимые части православной церкви.

Отношение Иосифа Семашко к высылке ряда монахов из бывших базилианских монастырей было, например, высказано в письме от 16 декабря 1839 г. к Михаилу Голубовичу, чтобы он им напомнил, что «с присоединением церкви и все лица оной присоединяются, что объявляемое ими несогласие считается ослушанием церкви» [11, с. 8]. Воссоединенное духовенство, хотя и принявших православие, но по – привычке и обычаю более оставшихся католиками и поляками [2, с. 483] должно было проходить переподготовку. Но сделать это оказалось не просто. Некоторые из представителей, как приходского духовенства, так и бывших базилианских монахов не смогли научиться вести богослужение по православным обрядам, что вносило сумятицу среди верующих и много лет спустя. Связано это было с тем, что оно плохо знало или совсем не знало русский и церковнославянский языки. Для них Михаил Голубович, по распоряжению Литовского православного архиепископа Иосифа Семашко перевел на польский язык православный пространный катехизис [14, с. 235]. Правда Иосиф неоднократно напоминал (письмо от 17 августа 1842 г.) ему о переводе: «я просил вас уже два раза уведомить меня, в каком положении находится дело о переводе катехизиса, и не получил от вас ни слова в ответ» [11, с. 1]. Эта тематика находит подтверждение и в различных воспоминаниях.

Естественно, что такое высшее православное духовенство запад-

ных епархий встречало недоверие со стороны других православных архиереев. В своих воспоминаниях о том времени, Иосиф Семашко отмечал, что многие православные архиереи были убеждены в необходимости высылки «воссоединённого духовенства и замещении оного древлеправославным» [9, с. 373].

Сенатор М. Щербинин предложил посылать православных миссионеров в воссоединённые приходы западных губерний. «Разве они пришли к православной церкви от язычества, от магометанства или от какой еретичествующей церкви, – писал по этому поводу митрополит Иосиф Семашко 20 февраля 1858 г. в Св. Синод, – но справедливо ли, до сих пор ещё делать разницу между древлеправославными и воссоединенными священниками» [9, с. 635].

Проведенная в 1850 г. ревизия в Литовской православной епархии показала, что её духовенство не занимается повышением своего образования, только некоторые священники имели Библию, а их дети плохо знали молитвы на церковнославянском языке, не говоря уже о прихожанах. И это несмотря на то, что указом от 6 марта 1845 г. Литовская духовная консистория обязала священников епархии в течение одного года обучить детей священно- и церковнослужителей молитвам на церковнославянском языке. Однако и в 1851 г. консистория вынуждена была признать тот факт, что духовенство мало беспокоится о том, чтобы прихожане знали свою веру и молитвы на церковнославянском языке. Духовенство, в свою очередь, обвинило во всём помещиков, которые не освобождали крестьян от барщины [12, с. 96, 97, 100].

27 февраля 1846 г. был принят указ Св. Синода об увеличении числа училищ для обучения детей духовенства и крестьян при православных монастырях и приходских церквях [16, л. 1]. При некоторых православных церквях и в отдельных имениях в Литовской православной епархии стали открываться частные и казённые школы, что способствовала увеличению численности грамотных православных прихожан. Так, в 1850 г. было открыто 37 церковноприходских школ

с 56 учителями и 1211 учениками, а в 1860 г. их было 150 с более чем 1700 учениками [12, с. 469, 472].

Шла борьба против использования бывшего униатского облачения, запрещалось духовенству брить бороды и жениться на католичках, крестить дочерей от таких браков в католичестве. Хотя первоначально ношение такой одежды и бритые бороды было разрешено бывшему униатскому духовенству. В октябре 1846 г. священник Поставской церкви Н. Малентович просил Литовскую консисторию, чтобы ему разрешили брить бороду и не отпускать волосы, потому, что к этому не могут привыкнуть его прихожане. На его просьбу архиерей Иосиф Семашко наложил резолюцию: «Я испытал уже, что честный, добропорядочный и благоразумный священник заставит всегда прихожан уважать его и иметь к нему доверенность, будет ли он с бородой или без бороды» [5, л. 49]. Еще в 1839 г. Иосиф Семашко «после воссоединения в Минске и Вильне показывался в костюме католического епископа, с бритой бородой, чем смутил многих» [23, с. 13].

Иосиф Семашко обратил внимание правительства на конфессиональную принадлежность местных чиновников. В письме к обер-прокурору Св. Синода от 10 января 1856 г. Иосиф Семашко отметил, что в Виленской и Гродненской губерниях все 18 губернских и уездных предводителей дворянства — католики. В канцеляриях Виленского и Гродненского гражданских губернаторов 9 православных и 30 католиков. И вообще, все высшее руководство этих губерний состояло из 27 православных и 84 католиков. Такая же ситуация была и в уездах. Поэтому принимаемые указы зачастую и оставались на бумаге [1, с. 37 – 39].

Литовский митрополит Иосиф Семашко относился к миссионерской деятельности православного духовенства среди старообрядцев белорусско-литовских губерний иначе, чем это было принято в Российской империи. В 1852 г. он написал обер-прокурору Св. Синода

графу Н.А. Протасову, что находит действия против старообрядцев в Западном крае нежелательными. По его мнению, православное духовенство должно считать русских старообрядцев друзьями, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе против католичества [12, с. 331 – 334]. Такое мнение вытекало из знания специфики православного духовенства этих губерний, и тех условий, в которых оно находилось.

Часто, когда пишут исследование, отрывают жизнь и деятельность конкретной личности от исторического фона и привносят современные взгляды, забывая, что в тот период была другая ситуация, другие взгляды и т. д. Переписка, воспоминания I половины XIX в. свидетельствуют о том, что униатское и православное население было довольно индифферентным в религиозной жизни. Это было связано, как с неграмотностью крепостного крестьянства, бедной шляхты и мещан, так и с небольшим количеством храмов, когда приходская церковь находилась далеко от деревень, приписанных к ней. А также и со спецификой территории — большим количеством болот и лесов, небольшим количеством путей сообщения и транспорта, что, естественно, мешало священнику навещать своих прихожан. Крестьянин, по необходимости, обращался в ближайший христианский храм, независимо от его конфессиональной принадлежности. Кроме того, униатским священникам разрешалось проводить богослужение в католическом костёле, или наоборот, что также вносило некоторую путаницу. Смешанные браки, переходы униатов в другие конфессии и возвращение обратно были достаточно распространенным явлением.

17 апреля 1842 г. Св. Синод официально приказал православному духовенству Литовской, Минской, Полоцкой и Могилевской православных епархий начать возвращение в православие из католичества бывших униатов. Дело это было нелегким и деликатным. При этом ответственность за переходы возлагалась на католическое духовенство, которому запрещалось проводить агитацию среди бывших униатов, принимать их к исповеди.

Процесс перераспределения прихожан должен был проходить следующим образом: Католическое духовенство составляло списки своих прихожан приходов и передавало их православному духовенству, на территории которых находился католический приход. Православное духовенство проверяло его, подписывало, ставило печать и возвращало обратно католическому ксендзу для хранения в приходском архиве. Если православный священник считал, что некоторое лица в списке католического прихода являлись православными, (т.е. бывшими униатами), то запрашивались выписки из метрических книг их родителей, для определения конфессиональной принадлежности. Так, 2 декабря 1843 г в Виленскую римско-католическую консисторию поступила информация от Новоалександровского декана, в которой сообщалось, что администратору Заверского костёла ксендзу Тромбовичу вернул списки священник Лучицкий из Браславской православной церкви. Последний отметил некоторых лиц в списке, таких как И.М. Свидинский и В.И. Высоцкая с сестрами, у которых родители были православными. Но при разборе дела выяснилось, что И. Свидинский, как и его отец, были крещены в католичестве и веру менять не собирались. Высоцкие показали, что мать их была первоначально униаткой, а затем перешла в католичество [21, л. 2, 3].

Отсутствие четких установок для православного духовенства как проводить возвращение бывших униатов, нежелание части последних переходить в православие, противодействие со стороны католических ксендзов вносили сумятицу в процесс перераспределения, затягивая его на долгие годы. С 1843 по 1849 г. рассматривалось дело бывших униатов крестьян Цехановецкого православного прихода Литовской православной епархии, которые перешли в католичество. С 1849 по 1859 г. разбиралось дело о крестьянах Порозовского православного прихода той же епархии [17, д. 1357, л. 19; д. 1614, л. 2].

Смешанные браки были довольно широко распространены на территории белорусско-литовских губерний всего исследуемого периода.

Литовский православный архиепископ Иосиф Семашко писал в Св. Синод, что таких браков за период с 1839 по 1845 г. было заключено в Литовской епархии — 1927, Могилевской — 301, Минской — 825, Полоцкой — 20. А за период с 1839 по 1859 г. в одной только Литовской православной епархии было заключено до 15 тыс. смешанных браков [4, с. 82]. Но это касалось, в основном, заключения браков среди крестьянского населения, которое (что особенно характерно для Литовской православной епархии) было либо католическим по вероисповеданию, либо бывшим униатским.

Личность и жизненный путь самого Иосифа Семашко также находится в воспоминаниях, записках, дневниках, письмах, рецензиях, некрологах. Известный историк М. Коялович, лично знавший Иосифа Семашко, в некрологе, который был посвящен ему, охарактеризовал митрополита следующим образом: «малоросс, с невольной искаженной польским образованием речью, жаждавший быть русским, невольный униат, жаждавший быть православным» [15, с. 15].

Судя по родовым документам, которые названы в «Записках» род Семашко был из Белоруссии. При подтверждении дворянства отцом Иосифа был представлена грамота царя Алексея Михайловича, данная шляхтичу Мстиславского уезда Ивану Семашко на владение деревнями в Мстиславском и Оршанском уездах [8, с. 47].

Мнение о личности И. Семашко было разным от «епископа-вероотступника» [18, с. 1] до «воссоединителя». Наиболее полно его биография представлена в работе Г. Киприановича [13], хотя и до издания этой книги, после смерти митрополита вышли очерки, написанные, например, Е. Дылевским и др. [6]. Дополнялись эти очерки воспоминаниями людей, которые были знакомы с Иосифом Семашко, или публикацией разного рода переписки [11, 22]. Е. Дылевский возможно впервые отметил тот факт, что монашество Иосиф принял за несколько дней до 4 августа 1829 г., когда он принял сан епископа Мстиславского, викария Белорусской униатской епархии [11, с. 72].

Это было повторено и в работе Г. Киприановича. Видимо эта легенда возникла в более поздние времена, и связана с тем, что высшее православное, католическое и униатское духовенство было монашеством, а архиепископу было уже поздно принимать постриг, или он все же был базилианином, что опять-таки не умаляет ни его личность, ни его деятельность. В воспоминаниях он указывает только о принятии celibата (безженства). И он даже боялся на старости лет оказаться в монастыре, его идеалом был маленький дом, сад, книги. Иосиф Семашко после окончания учебы в Главной семинарии Виленского университета написал магистерскую диссертацию по нравственному богословию [7, с. 4] и его работа не изучалась и не введена в научный оборот.

В какой степени он был любителем прекрасного и достаточно толерантным человеком. Как Г. Киприанович, так и Н. Сушков, пишут о любви митрополита к искусству, коллекционированию картин историко-религиозного содержания, портретов духовных лиц, «книг, ученых и богословских, которыми он так дорожил» [22, с. 2]. 200 предметов живописи украшали его Тринопольский архиерейский дом [13, с. 405]. Иосиф Семашко писал о посещении театра, когда он приехал в Петербург, мог даже в кругу знакомых петь, любил чертить карты. Архиепископ Антоний Зубко вспоминал об их жизни в Петербурге, где они снимали вместе квартиру и у них оставались деньги «на роскошь, состоявшую в покупке книг и в пользовании ими в библиотеке, а также в посещении театров» [10, с. 50].

В исследованиях он предстает человеком толерантным, поддерживающим нормальные отношения с католическим митрополитом Жилинским, лютеранским пастором Эвертом и другими представителями этих конфессий [13, с. 398]. Но отношение в обществе к нему оставалось все время разным. Так, Порфирий (Успенский) писал 9 мая 1841 г., что «архиепископ Иосиф, кажется, не столько умен, сколько хитр, не столько любочестен, сколько честолюбив.

У него хвост лисий, а зубы волчьи, ласка – зачет, а откровенность расчет» [3, с. 433]. Ректор Московской духовной семинарии епископ Леонид (Дмитровский) в своем письме вспоминал о встрече с митрополитом в 1856 г., когда тот приехал на коронацию Александра II: «Его беседа, при заметной тонкости, свойственной дипломатическому характеру, дышит простодушием и спокойствием ума, но так что умное его – просто, а просто – умно. Он не унижает собеседника полутонком в разговоре. При обсуждениях о предмете важном, если не желает продолжать его, то или молчанием дает почувствовать, что пора переменить предмет, или выскажет свое мнение прямо, открыто, но без заносчивости, без навязчивости, и не выходя, конечно, за предмет разумной осторожности» [22, с. 37 – 38]. 28 июня 1860 г. Михаил Голубович писал в своем дневнике «Божа мой, як жа дабіта здароўе мітрапаліта! Ледзь высадзілі яго з карэты; ледзь падняўся па прыступках; пальцы на правай рвуцэ ўвесь час трасуцца. Страшэнна занерваваны. Гэта нібыта вынік мінулагодняй ліхаманкі. Хоця ўжо шоргаў нагамі, едучы ў Маскву на каранацыю. А ён, менавіта цяпер, вельмі нам патрэбны» [25, с. 244]. Очень тепло писал о последних годах митрополита Н.В. Сушков: «Закоснелая злоба успела оклеветать Первосвятителя Литовского за несколько лет до кончины его. Даже граф Муравьев охладел к нему. Обер-прокурор А.П. Ахматов поспешил в Вильну, чтобы прекратить недоразумения. Не менее того явное и неожиданное, внезапно обнаружившееся к нему неуважение, недоверие, недоброжелательство поразило его, встревожило, потрясло его на склоне сужденных ему лет. Нервное расстройство было последствием душевной скорби. Болезненное трясение тела одолело силы побежденного клеветы и завистью. Последние годы его были труд и болезнь. Но духом он не упал до гроба» [22, с. 16].

Переход из униатства в православие, как для прихожан, так и духовенства был довольно длительным. В итоге в губерниях Гроднен-

ской, Виленской, части Минской и Витебской, где было очень мало древлеправославного духовенства, формировалось довольно специфическое православие, отличавшееся от православия в центральных губерниях Российской империи. Это проявлялось, прежде всего, в нравственном состоянии самого духовенства. Став вдруг православным, оно долго ещё было по убеждениям, и по сохранению традиций внутрицерковной службы, униатским, что вызывало недоверие к нему со стороны верхушки православной церкви Российской империи. При чём, недоверие вызывало, не только приходское духовенство и прихожане, но и высшее руководство Литовской, Минской и Полоцкой православных епархий. Среди них были бывшее высшее униатское духовенство: Иосиф Семашко, Василий Лужинский, Антоний Зубко, Михаил Голубович, благодаря деятельности которых и стал возможным факт присоединения.

Литература и источники

1. Вестник Западной России: Ист. – лит. журн. 1868. Кн. 10. Т. 4.
2. Глубоковский Н.Н. Архиепископ Смарагд в его деятельности по воссоединению униатов (1833 – 1837 гг.)// Христианское чтение. 1914. № 4.
3. Глубоковский Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский) архиепископ Рязанский. Его жизнь и деятельность. СПб., 1914.
4. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
5. Государственный исторический архив Литвы. Фонд 1004. Описание 1. Дело 1.
6. Дылевский Е. В. Иосиф (Семашко), митрополит литовский и виленский, член Святейшего Синода. СПб., 1869.
7. Жукович П.П. Отзыв о сочинении, представленном на соискание Макарьевской премии, Киприановича «Жизнь Иосифа Семаш-

ко, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединении западнорусских униатов с православною церковью в 1839 году». Вильна, 1893. СПб., 1897.

8. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора. СПб., 1883. Т.1.
9. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора. СПб., 1883. Т.2.
10. Зубко А. О греко-униатской церкви в западном крае России // Сборник статей, изданных Святейшим Синодом по поводу пятидесятилетия (1839 – 1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов. СПб., 1889.
11. Зуевич Е. Н. Письма архиепископа Литовского Иосифа Семашко к епископу Брестскому Михаилу Голубовичу. Вильна, 1898.
12. Извеков В.Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839 – 1889. М., 1889.
13. Киприанович Г. А. Жизнь Иосифа Семашки митрополита литовского и виленского. Вильна, 1893.
14. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейших времен до настоящего времени. Вильна, 1895.
15. Коялович М.О. О почившем митрополите Литовском Иосифе. СПб., 1869.
16. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1297. Оп.1. Д. 16338.
17. Национальный исторический архив в Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1357; Д. 1614.
18. План уничтожения униатской церкви. Париж, 1873 (возможно И. Мартынов).
19. Российский государственный исторический архив в С.-Петербурге. Фонд 797. Описание 87. Дело 10.
20. РГИА в С.-Петербурге. Ф. 821. Оп. 150. Д. 220.

21. Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литвы. F-57-5-54-5.

22. Сушков Н.В. Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России. М., 1869.

23. Шавельский Г.И. Из бывшего alma maris Белорусской (Полоцкой) греко-униатской семинарии в 1833 – 1834 гг., перед воссоединением униатов. Витебск, 1906.

24. Шавельский Г. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833 – 1839 гг.). СПб., 1910.

25. Янушкевич Я. Дыярыюш з XIX стагоддзя. Мінск, 2003.

ОТТОРЖЕННЫЕ НАСИЛИЕМ, ВОССОЕДИНЕННЫ ЛЮБОВЬЮ

*Капуста А.И.
(Барановичи, Беларусь)*

"Вера вечна, Вера славна, наша Вера Православна!"
Святой Николай Сербский

О деятельности Семашко многие историки и исследователи отзываются по-разному. Многие православные исследователи чаще положительно оценивают усилия Иосифа Семашко по присоединению униатов в православную веру. Другие же светские историки отзываются очень грубо. Католики прозвали его Иудушка Семашко за его деятельность. Однако, он посчитал, что истина в Православии, и загоревшись этой идеей, воспринял ее всем сердцем, захотел передать ее своей пастве.

Почти каждый белорус имеет в своем роду предков, которые по вероисповеданию были униатами, ведь к концу XVIII в. 80 % белорусов были униатами. Кроме того, высказываются такие мнения, что униатство стало своеобразным ответом между Востоком и Западом.

Униатская церковь признала верховенство Папы Римского и католические догматы, но сохраняла православную обрядность и обычаи. Таким образом примирялись вызовы европейской культуры и древние традиции. В результате, большинство населения современной Беларуси через 200 лет стали потомственными униатами. К этому времени в униатской церкви выработались определенные обряды, особенный архитектурный стиль униатских храмов, униатская церковь здесь прочно закрепилась. В 1830–1831 гг. произошло восстание, направленное против российской власти. Во многом именно это предопределило дальнейшую судьбу униатской церкви. Униатские священники участвовали в восстании, поэтому российское правительство стало проводить политику упразднения униатской церкви. Ведь принято считать белорусов «испорченными русскими», а униатов – «испорченными православными».

Иосиф Семашко, в тайне от митрополита и прихожан, проводил мероприятия по присоединению их к православию, и осуществлялись на местах под контролем и при содействии светских властей. Он вел работы по приближению униатского богослужения и храмов к православному образцу, а также получение от священников подписок о готовности присоединиться к православной церкви при общем воссоединении духовенства. Сжигались иконостасы, уничтожались алтари, богослужебные книги. Эти преобразования не нравились прихожанам. Вместо богослужебных книг ввели в употребление ввели книги (служебников) московского издания, не содержащих католических догматов.

Об отношении местного населения к православному духовенству писал в своих воспоминаниях соратник Семашко по «воссоединению» епископ Василий Лужинский: «...борода и ряса были в величайшем презрении в том краю; и православных священников вообще называли жидом смердячим, козлом и кацапом бородатым и пугалом» [1].

В 1835 г. униат Михаил Бобровский, ученый-славист мирового